

Глобальные феминизмы
Сравнительные тематические исследования
Женский активизм и исследования

ТЕРРИТОРИЯ: РОССИЯ

Стенограмма интервью с Марией Григорьевной Котовской
Интервью провела Наталья Львовна Пушкарева

Местонахождение: Россия

Дата: 28 июня 2016 г.

Мичиганский университет
Институт исследований по вопросам женщин и гендерной проблематики
1136 Lane Hall Ann Arbor, MI 48109-1290, USA
Телефон: 1 (734) 764-9537

Электронная почта: um.gfp@umich.edu

Веб-сайт: <http://www.umich.edu/~glblfem>

© Регенты Мичиганского университета, 2015

Проект «Глобальные феминизмы» представляет собой совместный международный проект устных историй, изучающий женский активизм, женские движения и проводящий научные исследования о женщинах в различных странах мира. Мичиганский Университет начал проводить этот проект в 2002 при поддержке гранта из аспирантуры Rackham Graduate School. Виртуальный архив включает интервью с женщинами-активистками и учеными из Бразилии, Индии, Китая, Никарагуа, Польши и Соединенных Штатов.

Наши сотрудники в Бразилии находятся в Лаборатории устной истории и изображений (Laboratório de História Oral e Imagem - [LABHOI](#)), при Федеральном Флуминенском Университете (Federal Fluminense University - UFF) в Рио-де-Жанейро, и Núcleo de História, Memória e Documento (Центр истории, памяти и документации в Федеральном государственном университете в Рио-де-Жанейро, [NUMEM](#)). Интервью в Бразилии были проведены при поддержке учебной инициативы Мичиганского университета "Третье столетие", FAPERJ (Фонд поддержки исследований в Рио-де-Жанейро) и CNPq (Национальный совет по научно-техническому развитию Бразилии).

Мария Григорьевна Котовская - дипломированный этнограф, антрополог, в 1975 г. закончила Московский государственный университет, а в 1979 г. – аспирантуру Института этнографии и антропологии Академии наук СССР, специалист по проблемам народов Америки. Женскими и гендерным исследованиями начала заниматься в 1990-е годы, став одним из инициаторов создания Группы этногендерных исследований в Институте этнографии и антропологии РАН (ИЭА РАН). В настоящее время – профессор Российского государственного гуманитарного университета и Российского государственного университета дизайна и технологий, ведущий научный сотрудник Сектора этногендерных исследований ИЭА РАН, член Общественного совета города Москвы; вице-президент Региональной общественной организации "Объединение женщин-лидеров", член Общественного совета Центрального федерального округа, член Научного совета "Стратегия развития институтов гражданского общества города Москвы"; заместитель председателя Комиссии по делам национальностей и миграционной политике в Общественной палате города Москвы, член Комиссии по делам семьи, молодежи и детей, Председатель комиссии по делам национальностей и иммиграционной политики общественных связей Правительства г. Москвы, эксперт по социальным грантам Президента РФ, член Общественного совета Правительства г. Москвы

Автор многих книг и редактор сборников по проблемам гендерной этнологии («Завидуйте, я – женщина». М.: Ларини сервис, 1993; Очерки гендерной истории. События, факты, современность. М.: ИЭА РАН, 2004; Гендер, культура, религия (традиция и современность). М.: Северо-принт, 2006; Современные аспекты воспитания и образования. М.: МГУДТ, 2006. Семья в XX веке: роль государства, гендер, воспитание детей. М.: МГУДТ, 2007).

Наталья Львовна Пушкарева настоящее время является Руководителем Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии Российской Академии наук, главным научным сотрудником института, доктором

исторических наук, профессором. Она автор более 700 научных работ, в том числе 12 монографий, редактором десятков научных сборников. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В 2002 году она создала "Российскую ассоциацию исследователей женской истории" - некоммерческое общественное объединение, которое провело 12 международных конференций в различных университетских городах России, собрав более 400 участников, изучающих проблемы женской истории и женского движения.

Н.Л. Пушкарева имеет большую научную школу, полтора десятка ее учеников защитили докторские и кандидатские диссертации и читают курсы по женской истории в разных вузах страны.

Н.Л.: Котовская Мария Григорьевна, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета. Мария Григорьевна, добрый день, расскажите, пожалуйста, кратко о вашей жизни. На каком этапе ее Вы сейчас себя ощущаете? Что уже сделано? Что предстоит сделать, если говорить о себе самой в контексте Ваших тем, которыми Вы занимаетесь, и женского движения, в котором Вы принимаете участие?

М.Г.: Добрый день. Ну что я могу сказать о своей жизни... Собственно говоря, первое, что мне хотелось бы отметить – это то, что в семье меня воспитывали не так, как воспитывают девочку или мальчика, а всегда воспитывали как человека, которому предстоит интересная творческая жизнь.

Я считаю, что это - самое главное. То есть вот такого, что «ты – девочка, выйдешь замуж, родишь ребенка и только» – этого не было. Всегда была... Конечно, об этом говорили... Конечно, как в любой семье, все хотели, чтобы у меня была счастливая личная жизнь, были дети. Но очень важный момент в моем воспитании – это был акцент на хорошем образовании, на развитии каких-то творческих возможностей, и, собственно говоря, вот это ощущение равенства с любым мужчиной, мальчиком – это было заложено, наверное, воспитанием в семье. Потому что это было заложено в основу взаимоотношений родителей и в виденье мира. Собственно говоря, поэтому когда я поступила – я заканчивала математическую школу, мне было очень... я попала в эпоху экспериментов: у меня была математическая школа с английским уклоном. Но, так как, собственно говоря, мне это... школа была близко от моего дома, я ходила в нее и мне лень ездить далеко в ближайшую школу. Я закончила школу с золотой медалью и сначала хотела идти, нет, поступать на астрономический, потому что у нас пол класса решило почему-то глядеть на звезды, смотреть на звезды, но здесь сыграли роль мои родители, которые видели во мне больше гуманитария, несмотря на то, что вот, собственно говоря, был такой уклон. И я просто отправилась слушать выступление ведущих ученых в университет, и мне больше всего понравился истфак, собственно говоря.

Наверное, вот эта романтическая нота и т.д., наше поколение было романтиками, это поколение романтиков. Мы все хотели ехать куда-то за запахом тайги, поэтому, когда я услышала призывы кафедры этнологии (тогда этнографии) о том, что экспедиции, что это очень интересно - это меня очень возбудило, и я решила поступать на истфак. Ну, естественно, на истфаке отучившись... я пошла на кафедру этнографии после второго курса. Потому что это была идея фикс, мне хотелось «ездить», и я действительно стала ездить сразу же после второго курса. И собственно никак и никогда не жалела о выбранной специализации, потому что, собственно говоря, что этнология – это изучение человека в структуре культурных особенностей и специфики. Вот это меня всегда привлекало. Но, собственно говоря, изучение человека в культуре, оно всегда приводит к неизменному вопросу: почему так складываются взаимоотношения полов? Потому что, наверное, именно этнология всегда подталкивает к глубокому изучению

взаимоотношений мужчин и женщин. Это совершенно естественно, потому что именно этнологи одними из первых заговорили, что есть особая специфика культуры, особенно традиционной культуры – мужская культура и женская культура, куда мужчины-этнологи очень долго не могли проникнуть. Именно потому, что есть специфика ритуалов, есть специфика особенностей. Вот собственно мои экспедиции – еще студенческие, потом аспирантские – и в Среднюю Азию, и в Сибирь, они показали вот, что действительно это специфика существует. И, исходя от этого, начинаешь задумываться, почему складывается такая иерархия взаимоотношений, что приводит к этому?

И собственно говоря, когда женское движение началось в России, - а оно началось в 1990-е, конечно, на волне либерализма... либерализма... А я всегда говорила и говорю, что либеральное движение, либеральная такой, такая политическая структура, она неизменно связана с развитием женского движения и с развитием гендерных штудий. И когда меня пригласила Света Айвазова в свой клуб «Фемина» - это был один из первых...

Н.Л.: В каком году это было?

М.Г.: Я не могу, Наташечка, сказать, но это где-то... я даже не могу сказать...

Н.Л.: Начало девяностых?

М.Г.: Начало 1990-х. Вот только это началось. И меня пригласили как этнолога в этот клуб «Фемина». И вдруг нам было так интересно, там были такие дискуссии! Собственно говоря, вот женское движение – такое, какое оно было, как оно началось... Это было для очень многих женщин-исследователей (потому что они были первыми, кто пришел в это движение) еще и путь к себе, к открытию себя.

Я помню, у меня был очень серьезный и очень смешной случай. Очень смешной. У меня было двое детей, я очень устала, и вот я смотрела какую-то передачу про женскую долю. Я помню, что я сидела и рыдала, мне так было жалко женщин, причем всё это абсолютно относилось и ко мне... И вот, на волне вот этого понимания, что необходимы изменения, необходима солидарность, необходима какое-то... какая-то кооперация наших действий, и возникло женское движение 90-х гг. в России. Вот я вспоминаю о нем как об одном из самых ярких, между прочим, явлений в моей жизни, потому что вот это действительно дало понимание не только себя, но вообще места человека вот в обществе, вот в этой структуре. Дало такое... как бы такая у нас возникла дружба... Сейчас те женщины, с которыми мы начинали в девяностых годах (а мы все друг друга знаем, тут уже никого новенького нету), мы все остались связаны друг с другом тесными связями и пониманием тех глубоких задач, которые перед нами тогда стояли.

Если говорить о том, что какие задачи у меня сейчас... Мне очень хотелось... Я же писала «Гендерные про-... книгу «Гендерные проблемы в современной России», но это до 2000 годов. Мне хотелось собрать как можно больше вот материала, связанного с повседневностью. Потому что мы уйдем, а это останется вот как архив. Вот сейчас у меня задача: вот со следующего года опять заняться этим. Собрать огромное количество материала, именно связанного с вот такого... с

повседневными практиками, с жизнью, отношениями в разных, разных сферах. Вот это что касается научной деятельности...

Что касается общественной... Я – член Общественной Палаты города Москвы уже семь лет, и председатель Комиссии по делам... проблемам межнациональных отношений, миграции и конфессий. Очень сложная комиссия, очень сложная если мы говорим в контексте современных условий. Интересно, потому что вот я хочу сейчас опрашивать женщин... ярких женщин прежде всего. Мне кажется, что это имеет смысл, потому что они как бы показывают наиболее ярко тенденции, которые происходят в тех или иных диаспорах. Опросить нескольких таких лидеров диаспор города Москвы, тоже записать и уже издать, потому что это тоже очень важный материал.

Н.Л.: Лидеров женщин или лидеров мужчин? И как связаны исследовательская работа и женское движение?

М.Г.: Женское движение – сейчас я скажу – это вот опросить женских лидеров диаспор, мужских, посмотреть, как они видят проблемы своих соотечественников. Потому что проблем очень много, и вот такая практическая задача сейчас у нашей комиссии – сделать убежище для женщин-мигранток, которые нечасто приезжают с мужьями, оказываются в бедственном положении, им некуда деться. Это проблема и насилия и т.д.... Чтобы они знали, куда они могут обратиться за конкретной помощью, куда они могут в первую очередь прийти за поддержкой. Очень много проблем связано – практически мы будем решать это – со здравоохранением именно женщин-мигранток. Потому что одно дело, когда женщина, так сказать, легальна, а когда она приезжает с мужем, не всегда она легализована, тут тоже очень много проблем, которые нужно решать. И с образованием детским. Это тоже проблема, которую мы выносим на законодательный уровень, так что в практическом плане есть над чем поработать.

Что касается практического, Наташа, я считаю, что это наша задача, это беда женского движения: в наше женское движение сейчас не приходит молодежь. И вот эта эстафета, и вот это глубокое понимание необходимости бороться за равноправие, идентифицировать себя как свободного человека, абсолютно свободного – она утеряна в молодом поколении. Когда я говорю (все-таки студенток очень много) – они загораются, но они идут по пути «малых дел»: «Вот давайте мы сделаем эту акцию! Вот давайте сделаем эту акцию!». А понимания того, что акции, если не будет общего женского движения, потухнут, – вот этого нет. И мне кажется, что это связано опять-таки с общим сейчас более консервативным настроем в обществе. Потому что – опять-таки повторю, что – феминизм, женское движение неразрывно связаны с вот этим общим либеральным течением, с демократизацией общей. Но, тем не менее, я считаю, что эта задача... Еще пока мы живы, пока мы более или менее активны, – воспитать и оставить за собой... Потому что, если мы не сделаем этого в течение ближайших десяти лет, это будет яма. И те, которые придут за нами, они начнут с нуля опять.

Н.Л. Можно рассказать о том, что делалось в девяностые годы, о каких-то ярких акциях, или событиях, или проектах каких-то?

М.Г.: Ну... Их было так много, что даже трудно сказать. Все мы...

Н.Л.: Хронологически что самое раннее вспоминается и когда...?

М.Г.: Дубна. Одна из акций – это Дубна. Помнишь, Наташа, мы все были в Дубне. Дубна – это был вот такой очень массивный, очень яркий, наверное, манифест для всех нас. И мы, собственно говоря, вот этим все очень долго жили... Это первое. Второе, конечно – меня привела, ну, как бы в политическое русло Айвазова Светлана, потому что я с ней очень тесно контактировала. Я была тогда помощником депутата фракции «Женщины России», и моим руководителем был Пивовар Ефим Иосифович. Он был у нас главным, а мы были под ним. Я была под ним, он нами руководил. Но это было интересно. Это было интересно. И я очень, в отличие от многих женщин, которые считают... тогда критиковали очень – справедливо критиковали – потому что в общем фракция в чем-то не выполнила свою миссию, но все равно это был такой грандиозный прорыв вот в структуре абсолютно мужских партий, и мне было очень интересно работать с этими женщинами.

Кое с кем я до сих пор вот, например, встречаюсь. Это, например, Климантова Галина Ивановна, которая сейчас возглавляет Национальный комитет «Российская семья», я у нее вице-президент... захожу в Президиум, и я - президент московского отделения. То есть это вот что-то мы сейчас пытаемся делать, вот возрождать. Потому что тоже это очень сложно. Например, я знаю, что у меня очень хорошие отношения остались с Лаховой, при всей сложности ситуации и всей, так сказать... Она человек очень как бы крупный при всей ее разности. Скажем так. И можно по-разному относиться, но то, что она как-то пытается еще вот держать это женское движение, которое расползается и падает, это тоже нужно отметить. Это моя точка зрения, потому что есть очень много взглядов на эту проблему. Ну вот я считаю, так она и есть.

Но вот это как бы участие в политическом движении тоже дало мне очень многое для понимания, вообще что такое политическая структура, как проводятся, например, какие-то решения. Я иногда вот сейчас, когда сижу на каких-то женских тусовках, я вижу их слабость. Потому что прежде, чем выдвигать какое-то предложение, нужно понимать, через какие структуры ты будешь их выдвигать, как ты будешь их готовить к слушаниям, потому что в Госдуме они проходят несколько фаз, и каждая фаза требует своего решения. То есть вот это очень важно... Вот это очень важно. И мне это дало участие вот в этой фракции. Я понимаю, что такое фракционная борьба...

Н.Л.: А вот в 1990-е годы можно ли сказать, что женское движение российское было тесно связано, просто зависимо от финансовой поддержки Запада? И в какой мере можно оценивать самостоятельность российского женского движения? Или же все-таки говорить нужно о том, что, пока были финансы, оно продолжало развиваться?

М.Г.: Я бы так не сказала. Вот сейчас очень часто высказываются, что все женское движение, оно выросло благодаря финансовой поддержке Запада. Но вот я помню

... Опять-таки вернемся к вот этому клубу «Фемина»... Да, они получили грант. Я не помню, не хочу говорить, конкретно от какой организации. Да, был западный грант... Но женщины, которые участвовали в этом мероприятии, отнюдь не сидели на деньгах. Ну, были какие-то гранты, они использовались на какие-то общие мероприятия, но все приходило и делали доклады, все это было абсолютно бесплатно. Это не исходило из того, что люди хотели заработать на этом деньги. Вот я шла, потому что мне было безумно интересно. Потому что большинство женщин нашего, так сказать, поколения просто реализовывали себя.

Н.Л.: То есть не мешало, а помогало обращение...?

М.Г.: Я считаю, что помогало. Я считаю, что помогало. Во-первых, я могу сказать, что я очень много почерпнула на встречах с исследователями, зарубежными исследователями, как европейскими, так и американскими. Мне было интересно. Потому что то, что делали они, для нас было тогда новым. Мы... Собственно говоря, те, кто пришел и кто стал заниматься гендерными проблемами, женскими проблемами – они были знакомы с этими проблемами по книгам, по литературе. А когда ты встречаешься с людьми, которые это исследовали живьем, это то же, что обучение студентов, когда ты с ними работаешь действительно... Непосредственно, а не дистанционно. Это разные вещи. Это разное качество. Поэтому работа фондов по привлечению хороших специалистов в Россию, по такой работе, по выстраиванию вот этих мостов – мне кажется, это очень важно и я оцениваю это как позитивно.

Что касается меня, я никогда не испытывала вот такого как бы прикормки западных грантов, как сейчас говорят. Ну вот, мы получили... Честно, вот я несколько раз получала от Сороса, от Макартуров, гранты, но мы делали исследования, писали статьи, писали книги, и на этом дело заканчивалось. Я не вижу в этом ничего страшного.

Н.Л.: Вы не занимались политической деятельностью?

О Боже никогда! И никогда никого не склоняли ни к какой политической деятельности. Этого не было ни разу, я могу честно сказать. Вот что касается того, чтобы меня хоть раз пытались на какую-то позицию поставить политическую, нет. Нет. Ну я думаю, что, вот Наташа, что касается тебя, этого тоже не было! Мы люди очень самостоятельные, и каждый из нас видит свое место, понимает, как он должен жить, как он будет реализовываться в этом мире, поэтому кого-то из нас и тогда, и сейчас очень трудно подвинуть.

Н.Л.: И тут возникает вопрос: когда – можно ли, вернувшись в прошлое – когда впервые услышалось слово «феминизм», что понималось под ним, что понимается сейчас, и можно ли сейчас свободно говорить о себе, что «Я - феминистка», в современной России?

М.Г.: Ну, я начну с последнего. Ты знаешь, что я говорю, что я феминистка. И никогда не скрывала и не скрываю. И говорю это открыто, потому что это моя точка зрения. Я считаю, что феминизм – так, как я его принимаю – это просто открытое признание равенства женщин во всех сферах. И борьба за это положение.

Вот, например, сейчас стоит вопрос о том, что хотели брать деньги за аборт. Вот я как феминистка не приемлю эту позицию, потому что (я, конечно... это не значит, что я поддерживаю аборт) – это, конечно, нет. Я считаю, что здесь мы должны говорить о том, что это с одной стороны, - безответственность, а с другой стороны, было загублено очень хорошее направление, грамотное просвещение в сексуальной сфере для школьников и студенток первых курсов. И в общем доля вины есть на всех, потому что мы не смогли это довести, не смогли это отстаивать. Это первое. А второе – для меня **это** неприемлемо, потому что здесь нарушается моя свобода выбора. Я считаю, что женщина – как человек, как личность – вправе своей судьбою распоряжаться. И выбирать путь. И свобода выбора в феминизме – это самое главное. Отстаивание свободы человека, личности. Вот это вот... Поэтому я говорила и говорю, что я феминистка. Это первое.

Для меня... Я помню, когда мы только начинали, как раз мы сидели... Тогда была и Воронина, Айвазова. Наташа, по-моему, ты была... Я не помню, где, по-моему, у Айвазовой. Тогда Институт был рабочего движения, и мы писали на доске любимое слово... как называть гендерные исследования у нас: ведь тогда еще слово «гендер» было очень не... казалось в переводе русском неблагозвучным. Но ничего другого мы не придумали, и «гендер» остался «гендером».

Я помню, что, когда у нас Валерий Александрович Тишков сделал первый гендерный сектор... Я помню... Или это была лаборатория, я уже не помню, как тогда называлось... Я помню, что сначала очень скептически к этому относились, и первые заседания ученых советов... Я помню... никогда не забуду, как я шла туда, чтобы представить (меня попросил Валерий Александрович) эту тематику. И слышала: «Вот, половичка. Половички идут». Потому что именно «гендер» рассматривался как «пол». Сейчас ничего подобного нет, это устоявшийся термин, но вот тогда это было так...

Феминизм тоже воспринимался неоднозначно, как неоднозначно трактуется этот термин и сейчас. Иногда он просто был связан опять-таки с половой, сексуальной ориентацией, но мне кажется, что тогда вот этого налета такого негативного отношения к термину «феминизм» было меньше, чем сейчас. Потому что не секрет, что очень многие феминистки сейчас боятся вообще признаваться, что они занимаются гендерными проблемами, что они феминистки, потому что это стало как бы нарицательным словом, термином нарицательным. Потому что произошел такой как бы поворот вправо, и сейчас я с удивлением иногда наблюдаю, как некоторые наши подруги, феминистки которые были или были при феминистском движении, когда это было модно, теперь стали очень радикальными, радикально поддерживающими какие-то, я бы сказала, фундаменталистские направления, и государственные, и церковные, и, так сказать, отрицающие очень многие вещи, которые мне казались очевидными.

Н.Л.: Почему произошло такое перерождение? С чем это связано? С изменением политической конъюнктуры? С какого времени это началось?

М.Г.: Мне кажется, это с политической конъюнктурой связано, связано с усилением фундаментализма в религиозной сфере. Не только, между прочим, в православном,

но вообще в религиозной сфере, этот фундаментализм, он в том что... усиливается фундаментализм в семейных ценностях, причем мне казалось всегда, что именно такой вот... эгалитарные течения в семье всегда были достижением. Но мы не можем жить в обществе, построенном уже на экономическом, социальном равенстве, в фактическом неравенстве во взаимоотношения полов. Ну не можем. И поэтому сама структура семейных отношений, она ведет же к равенству, к внутреннему равенству. И возвращение сейчас очень... Я вот только что выступала на конференции, где опять, значит, шел призыв к возвращению к традиционным семейным ценностям... Я всегда спрашиваю, что подразумевается под традиционными семейными ценностями? Я не могу этого понять. Вот как...

Н.Л.: Собственные Ваши исследования как-то связаны с нынешними вот этими проблемами в современном женском движении и в какой мере?

М.Г.: Да, я вот сейчас хотела... меня пригласили, и – опять-таки, вот только что – я хочу, Наташа, чтобы ты тоже присоединилась... Проводят в Институте Африки... у них будет интереснейшая тема: это НКО, женские НКО в разных странах мира. Мне бы хотелось как раз поговорить о женских НКО в России. И я думаю, что мы могли бы совместно – вот какой-то кусок возьму я, какой-то кусок возьмешь ты – и сделать совместное что-то о женском движении в России. Это было бы очень здорово, потому что проблем больше, чем позитива. Скажем так.

Н.Л.: Как связано современное женское движение в России с какими-то западными женскими организациями? Вообще существуют ли эти связи? Дело в том, что при советской власти Комитет советских женщин позиционировал, как часть международного женского движения, регулярно посылал туда какие-то делегации на всемирные съезды и т.д. А потом в период девяностые годы вот таким единственным ярким проявлением взаимодействия женских организаций, российских и западных, был Пекин и встреча в Пекине.

М.Г.: И все.

Н.Л.: А после этого мы просто и не видим, многие даже не могут толком назвать, есть ли какие-то женские организации за рубежом, какие они, и, следовательно, заинтересованы мы в этих контактах с мировым женским движением? Или у нас свой путь? Вот какая здесь позиция?

М.Г.: Во-первых, я очень не люблю это – «свой путь». Потому что мне кажется, что – хотя эта точка зрения непопулярна сейчас – я считаю, что Россия идет в направлении **общезападного, европейского развития**. Собственно говоря, то есть общий цивилизационный путь у нас единый. Что касается того, знаю ли я какие-то женские движения... Мне кажется, что сейчас структурно вот все женские контакты, они находятся в государственных структурных руках. Скажем так, что то, что происходит на Западе, если человек не выезжает, он просто не может знать. Никаких связей с женскими организациями западными у нас нет. Я считаю, что это очень плохо. Я считаю, что женское движение в России должно идти рука об руку с западным женским движением. Другое дело, что мы имеем право выбирать те

направления, которые наиболее подходят для нашего женского движения. Но собственно говоря, это опять-таки право выбора, которое есть всегда. Это первое. Второе что, мне кажется, что это то, о чем мы должны говорить. Что вот этот разрыв – он не есть на позитив. Вот это разрыв всех связей, разрыв какого-то общего движения, направления – он, конечно, сказывается отрицательно на женском движении. Это мне кажется, да.

Н.Л.: Есть ли какие-то надежды, что финансирование может быть возобновлено и нам могут помочь финансово какие-то западные институции или организации, или мы уже должны думать о том, чтобы финансировать свои НКО самостоятельно, благодаря уже российским фондам?

М.Г.: Мне кажется, сейчас очень затруднено западное финансирование. Ну, мы видим, что все общественные организации ставятся на учет, если они получают западную помощь. Это не секрет. Мне кажется, что мы сейчас должны искать собственные какие-то ресурсы. Это тоже...

Н.Л.: Откуда? Мы подходим к вопросу, как найти тогда поддержку? Мы же знаем, что в России в прошлом именно женщины-предпринимательницы давали деньги на развитие многих женских союзов, и организаций, и групп, и создавали рабочие места для женщин за счет своих капиталов и т.д. Современные женщины-предпринимательницы никак не участвуют в женском движении и, вероятно, вообще считают это бесперспективным.

М.Г.: Да, во-первых, это правильно. Я считаю, что они не участвуют. И более того, опять-таки повторяю, они скатываются к проблеме решения сиюминутных проблем, сейчас на первый план выходит то же, что надо делать – это благотворительность. Это волонтерство. Вот это вот как бы финансируется, в это вкладываются деньги...

Н.Л.: Но не мы выбираем. Не женские организации выбирают кому давать деньги.

М.Г.: Но женские организации сами покинули вот этот сегмент общественной деятельности. Сами. И я считаю, что вот это было самой большой ошибкой. Они покинули вот поле общественной деятельности первые, они покинули политическое поле деятельности. Это были две роковые ошибки. И поэтому они сейчас не выбирают, они не диктуют, и для того, чтобы опять получать какие-то... и выбирать и получать деньги на это, нужно вернуть себе сегмент общественного, так сказать, общественного поля. Пока этого не будет сделано, ничего не будет.

А что происходит с движением «Женщины Москвы»? Это было одно из мощных движений, с которым считались. Оно просто растеклось, потому что женщины не могут найти лидера. И вот это неумение договариваться, неумение поставить свои интересы ниже интересов общих – вот это очень большой минус женского движения в России. Ну, Наташа, ты сама знаешь – вот если бы мы сейчас вот в нашем исследовательском поле – Слава Богу, тьфу, тьфу, тьфу, оно все-таки еще сохраняется – начали раздирать одеяло на себя, мы бы просто упали. Особенно сейчас, когда отношение к гендерным исследованиям настолько изменилось не в

лучшую сторону, нужно сказать откровенно. Поэтому только солидарность и попытка сконцентрироваться, она помогает выжить. Она помогает выжить. Этого не происходит почему-то на женском поле. Я считаю, что, если бы мы сейчас могли найти сильного женского лидера, - неважно, собственно говоря, это может быть и «Справедливая Россия», и даже «Единая Россия»! Это может быть любая демократическая, либеральная движение. Но это должна быть личность, с которой считаются. Достаточно.

Н.Л.: И что же будет личность из консервативно настроенной?

М.Г.: Консервативная, она сама к нам не пойдет, в женское движение. Это лакмусовая бумажка. **Женщина, которая захочет этим заниматься, сама, по сути уже связана с женским движением.** Потому что ни одна консервативная партия – женщина, представляющая вот этот сегмент, - не пойдет заниматься в женское движение. Конечно. Конечно. Безусловно. Но такого лидера нет; его надо искать. По крайней мере, для движения «Женщины Москвы». Потому что это было сильное движение.

Н.Л.: А в каких партиях современных или движениях есть хоть какие-то надежды на то, что вот эта гендерная повестка дня может быть рассмотрена не с позиции неопатриархата, а с каких-то либеральных или хотя бы с социально-демократических позиций? То есть те, которые были при советской власти и которые ставят перед собой задачу хотя бы не утратить тех достижений, которые были...

М.Г.: Ну вот, меня, например, совершенно потрясла Мизулина. Потому что, собственно говоря, я помню, она нас собирала и мы были... в начале ее деятельности она собирала, кстати, исследователей. Там была Светлана Айвазова, Наташа, ты была, я была... Мы все помним! И Воронина была... И вдруг такой резкий поворот. Но собственно, ведь не секрет, что вот эта инициатива платных аборт была ее инициативой и, как ни странно, она была пресечена Матвиенко, которая сказала, «это просто нарушение всего... И в законодательном, и в человеческом плане». То есть государственные структуры оказались более феминистскими, чем представительницы бывшего женского движения. То есть это вот и есть яркий пример вот этого отката. Но что касается женского движения, партий – вот я не вижу, честно говоря, вот... может быть, я просто не знаю. Тут трудно сказать.

Н.Л.: Может быть, совсем молодые...

М.Г.: Может быть, они еще только придут. Но пока я не вижу тех женщин, которые могли бы как бы стать продолжателями вот этого направления. Потому что опять-таки побеждает политика мелких дел. Давайте вот сейчас навалимся всем миром, поможем этому детскому дому, прекрасно. Поможем этим детям. Нет общего поля деятельности, нет, самое главное, программы и стратегии женского движения. Вот это... А она должна быть, стратегия должна быть, если мы хотим возродить то, что мы называем женским движением.

Н.Л.: При чем это должна быть нами выработанная стратегия! Потому что если мы опять обратим свои взоры на Запад или европейские страны, там другие... и другие проблемы.

М.Г.: Там все-таки другие проблемы.

Н.Л.: И поэтому не все идеи, которые апробированы и реализованы на Западе, могут быть приняты у нас без поправок и без...

М.Г.: Безусловно. Но мне кажется, что сейчас все, кто находится в женском движении, кто серьезно к этому относится, вот они уже понимают специфику того, что мы должны делать здесь. Это не значит, что уходят главные ценности. Главные ценности – это свобода человеческой личности и свобода... и право выбора. Но это значит, что все-таки работа должна соотноситься с теми проблемами и задачами, которые стоят перед нами здесь и сейчас. И вот мне кажется, что мы должны развернуться к этому, сесть и спокойно поговорить. И, вероятно, к сожалению, не могут старые структуры этого делать. И я думала об этом. И я думаю, что сейчас пройдет лето, мы все отдохнем немножечко, и, наверное, нужно те кадры старых феминисток (можно так уже о нас говорить, «старые кадры феминисток», куда деваться?) собираться. Пусть нас будет мало, но мы и когда начинали, нас тоже было мало.

Н.Л.: Вот об этом хоть немножечко: можно ли опереться на опыт создания, допустим, движения «Женщины Москвы»?

М.Г.: Я думаю, что надо...

Н.Л.: Как это было, что было... кто был инициатором, что было толчком, чтобы нам хотя бы вспомнить, как это было – и, может быть, что-то получится сейчас.

М.Г.: Ведь, Наташа, если вспомнить, опять-таки толчком движения «Женщины Москвы» была ты. И я была. И была Надя

Н.Л.: Шведова.

М.Г.: Шведова. Тем или иным боком туда входила Воронина.

Н.Л.: Конечно.

М.Г.: И, самое главное, понимала женские задачи, к сожалению, рано у нас умершая Швецова Людмила Ивановна. Крупный лидер и женщина, которая понимала значение женского движения. И, хотя она всегда была в структурах власти, но она понимала смысл и значение женского движения. И поэтому это состоялось. Сейчас, мне кажется, нужно собираться. Опять говорить, выстраивать стратегию и, может быть, смотреть на следующих депутатов, ярких женщин, молодых, кого можно было бы готовить (я просто не боюсь этого слова) - готовить к работе с женскими организациями и кто мог бы возглавить это движение.

Я не считаю, что сейчас... вот при том, как растягивается это движение, как приходят, например, женщины, которые никогда не были в женском движении –

например, Кузнецова, это просто совершенно смешное. Этот «женсовет» не является женским движением по сути своей. И как эти женщины стремятся стать во главе женского движения. Я считаю, это абсолютно путь в никуда. И единственное, что я считаю, что мы можем сделать – это опять-таки в сентябре-октябре, когда мы все отдохнем, наберемся сил, собратся! Пусть это будет без всяких прихлебателей. Значит, нужно собираться, наверное, все-таки тесным кругом исследователей, людей, которые работают в этой сфере, которые прошли определенную школу, вырабатывать – вот как тогда мы говорили о гендере, что такое гендер, - вырабатывать какую-то, пусть очень элементарную, стратегию, шаги. И после выборов искать лидеров, сильных женщин, и их просто

Н.Л.: Поддерживать.

М.Г.: Поддерживать, культивировать. И я считаю, что задача номер один – создавать заново фракцию, женскую фракцию в Парламенте. Потому что пока не будет женщин в законодательной, исполнительной власти, ничего не будет. Это будет мелкая каждодневная какая-то суетня. Но не более того. Если мы хотим опять возрождения, продвижения и действительно достойного отстаивания женских интересов, то мы должны продвигать и делать самое главное: создавать опять или женскую фракцию, или сильные женские фракции во всех... при всех структурах власти. Другого пути нет.

Н.Л.: Спасибо большое, Мария Григорьевна, за все идеи, которые были высказаны, и до новых встреч.